

Содержание

Кориолан. <i>Перевод О. Сороки</i>	3
Цимбелин. <i>Перевод П. Мелковой</i>	173
Троил и Крессида. <i>Перевод М. Федорова</i>	337

Действующие лица

Кай Марций, затем Кай Марций Кориолан.

Тит Ларций } полководцы в войнах
Коминий } с вольсками.

Менений Агриппа, друг Кориолана.

Сициний Велут } народные трибуны.
Юний Брут }

Маленький Марций, сын Кориолана.

Никанор, римлянин.

Тулл Авфидий, полководец вольсков.

Адриан, вольск.

Военачальник, заместитель Авфидия.

Заговорщики, сторонники Авфидия.

Горожанин из Анциума.

Два вольских часовых.

Волумния, мать Кориолана.

Виргилия, жена Кориолана.

Валерия, подруга Виргилии.

Служительница Виргилии.

Римские и вольские сенаторы, патриции, эдилы, ликторы, глашатаи, гонцы, воины, горожане, слуги Авфидия и другие служители.

Место действия: Рим и его окрестности; Кориолы и окрестности Кориол; Анциум.

АКТ I

Сцена 1

Улица в Риме. Входит толпа бунтующих горожан, вооруженных дубинами, кольями, вилами.

Первый горожанин. Погоди; прежде слушайте, что скажу.

Все. Говори, говори.

Первый горожанин. Значит, все вы на том порешили, что лучше умереть, чем голодать?

Все. Решено, решено.

Первый горожанин. И знаете, что главный враг народу — Кай Марций.

Все. Знаем, знаем.

Первый горожанин. Так убьемте его — и станем зерно получать по цене, какую сами назначим. Решено?

Все. Чего тут еще толковать? Убить, и кончено! Идем, идем!

Второй горожанин. Позвольте словечко, добрые граждане.

Первый горожанин. Мы не добрые, мы считаемся худые граждане. Это патриции — добрые, у них добра с избытком. Нам с ихнего стола одних излишков бы хватило на прокорм, и поделись они хоть этим, мы сказали бы, что они с нами по-людски. Но у них сгниет, а не дадут — слишком накладно, дескать, выйдет. Наша худоба, наш нищий вид только лишь выпячивают роскошь ихнюю; наши муки — им корысть. В колья же

их за это, пока еще не поколели мы. Боги мне свидетели, что я с бесхлебья, с голодухи говорю, а не по мстивой злобе.

Второй горожанин. Особенно же с Каем Марцием желаешь посчитаться?

Первый горожанин. С ним — первым делом. Для нас, простонародья, он сущий пес.

Второй горожанин. А забыл, какие у него перед отечеством заслуги?

Первый горожанин. Ничуть я не забыл — и заплатил бы ему похвалой, да он сам себе платит своей спесью.

Второй горожанин. Нет, ты говори не злобствуя.

Первый горожанин. Да говорю ж тебе, все славные его дела единственно для славы этой самой деланы. Рохли мягкодушие пусть говорят, будто он для отчизны старался, но он-то лишь матери своей в угоду и гордыне собственной, — спеси в нем не меньше, чем отваги.

Второй горожанин. Таков уж от природы он, а ты ему в вину ставишь. Корыстным ведь его никак не назовешь.

Первый горожанин. Пусть так. Но на нем и без того всяческих вин предостаточно. Начать перечислять — устанешь. *(Крики за сценой.)* Что за шум?.. Это заречная часть Рима поднялась. А мы чего стоим-болтаем? На Капитолий!

Все. На Капитолий!

Первый горожанин. Тише! Кто это идет сюда?

Входит Менений Агриппа.

Второй горожанин. Почтенный Менений Агриппа. Он любит народ и всегда любил.

Первый горожанин. Он-то человек порядочный. Кабы все патриции были такими!

Менений

Куда, сограждане? Что за работа
Вас подняла? Дреколье для чего?

Первый горожанин. Сенату беда наша небезызвестна. О своем намеренье мы дали там понять еще две недели назад, а сейчас идем подкрепить делами. Говорят, мол, от бедноты дух тяжелый; мы им покажем, что у нас и рука тяжелая.

Менений

Друзья мои, соседи дорогие!
Вы что, себя решили погубить?

Первый горожанин. Да что губить — погублены и так.

Менений

Друзья мои хорошие, поймите,
Патриции заботятся о вас.
Да, голод нынче вас одолевает,
Но ровно столько пользы было б вам
Замахиваться в небеса дубьем,
Как угрожать им Риму — государству,
Чья колесница тысячи сомнет
Препятствий пострашней, чем ваши палки,
И не свернет с пути. Ведь не сенатом,
Богами наслан голод, и помочь
Не колья, а колени только могут,
Пред ними преклоненные. Увы,
Беда вас гонит к новым лютым бедам.
Не след на кормчих наших клеветать.
Зачем клянете их, точно врагов?
Они о вас отечески пекутся.

Первый горожанин. Ага, они о нас сроду пекутся: смотрят, как нас голод допекает, а у самих зерна

полны амбары. Пекут о ростовщичестве указы — в пользу ростовщиков же. Что ни день, отменяют какой-нибудь здравый закон против богатых, и что ни день, все туже сковывают и треножат бедняков новыми уставами. Не войны, так патриции нас кончат, и в этом вся их любовь к нам.

Менений

Признайтесь, земляки,
Неистовая движет вами злобность
Либо же — дурость. Басенку одну
Я расскажу вам. Вы ее слышали,
Быть может. Но она здесь хороша,
И мы ее, уж так и быть, еще
Немного помусолим.

Первый горожанин. Что ж, послушать можно. Только не надейся, господин, заговорить нам басенками зубы. Ну, да валяй, рассказывай.

Менений

Все части тела нашего однажды
Восстали против брюха: мол, оно
Бездонной прорвой посередке тела
Покоится, всю пищу поглощая,
Но вовсе не участвуя в трудах;
Они же чувством, мыслью и движеньем,
Слухом и зреньем служат общим нуждам
И жаждам тела. Брюхо им в ответ...

Первый горожанин. Да, господин, — что отвечало брюхо?

Менений

А вот что, господин мой. Со смешочком,
Что вовсе не из легких исходил,

А вот оттуда — брюхо может ведь
И говорить, и звучно усмехаться —
Насмешливо ответило оно
Бунтующим завистникам своим, —
Вот так и вы завистливо хулите
Сенаторов за то, что не такие
Они, как вы. —

Первый горожанин

Что ж брюхо отвечать могло?

Когда уж царь наш — мозг и страж наш — око,
Советник — сердце и солдат — рука,
Нога — наш конь и наш язык — глашатай,
И прочая подсоба и помога
Телесная — ведь если уж они...

Менений

Ну, ну — что «если»? Ну же, златоуст!

Первый горожанин

Обобранные ненасытным брюхом,
Помойной ямой тела...

Менений

Ну же, ну же!

Первый горожанин

Уж если возроптали, что ж могло
Им брюхо возразить?

Менений

Сейчас узнаешь.

Немножко лишь терпенья — а его
У вас и впрямь немного — и услышишь,
Что отвечало брюхо.

Первый горожанин

Не тяни!

Менений

Так слушай, друг. Не горячилось брюхо,
Подобно обвинителям своим,
А отвечало здраво и степенно:
«Да, милые мои единотельцы,
В меня идет та наша вся еда,
Которою вы живы. Так и нужно,
Поскольку я храню, мелю, снабжаю.
Вы вспомните — ведь посылаю я
Реками кровеносными питанье
К чертогам сердца, ко дворцу ума.
Задворками, ходами извитыми
Естественный достаток к вам плывет.
Могучий мускул, тоненькую жилку —
Я всех живлю. И, хоть не разглядеть...»
Вы слышите, друзья, что молвит брюхо?

Первый горожанин

Мы слышим, слышим.

Менений

«Хоть не разглядеть

Всем сразу то, что доставляю я
Для каждого, но ясно, что в итоге
Вам достается вся мука, а мне —
Лишь отруби». Что скажете на это?

Первый горожанин

Ответ неплох. А как толкуешь басню?

Менений

Честное брюхо — римский наш сенат,
А вы — бунтующие части тела.
Сенат в советах вечных и трудах;
В его заботы вникните, взглядитесь,
Откуда благо общее идет,

И вы поймете — все к вам от сената,
А не от вас самих. И не топырься,
Большой ты палец на ноге толпы!

Первый горожанин
Палец ноги? Большой?

Менений

Да. Потому что, —
Едва ль не самый нищий, грязный, низкий
Из всех этих премудрых бунтарей, —
Прешь вожаком. По всем статьям последний,
Урвать добычу хочешь всех первой.
Готовьте ж палочье свое, дубье.
Сейчас сразятся Рим и крысы Рима —
Кому-то погибать.

Входит Кай Марций.

Отважный Марций,
Приветствую!

Марций

Спасибо. — Что вам надо?
Опять зудит чесотка мятежа?
Смутьянить руки чешутся? Глупцы!
Опять дочешетесь до струпьев!

Первый горожанин

Вечно

Ты нам даруешь добрые слова.

Марций

Кто доброе тебе подарит слово,
Польстит мерзейше. Что вам, злобным, надо,
Коль не милы вам ни война, ни мир?
Война страшит вас, мир вселяет наглость.
Лишь положись на вас, и тут же вы

Из львов оборотитесь в кучу зайцев,
Из хитрых лис — в гусей. Вы ненадежней,
Чем уголья, горящие на льду,
Чем град на солнце. Ваш обычай — славить
Злодея падшего и клясть закон,
Его согнувший. Истинно великих
Вы истинно не терпите. Пристрастья
У вас, как у больного: что во вред,
На то и падок аппетит недужный.
Кто опирается на вашу дружбу,
Тот — рыба с плавниками из свинца
Иль недоумок, хрупкой камышинкой
Замахивающийся на дубы.
Вам верить, подлецам? Да поминутно
У вас обнова: хвалите того,
Кто только что был ненавистен вам,
И хаеете, кого венком венчали.
Зачем по городу пошли вопить
Вы против благородного сената,
Что волею богов вас держит в страхе
И не дает друг друга пожирать? —
Чего они хотят?

Менений

По низким ценам

Хотят зерна, — которого запасы
Достаточны, как говорят они.

Марций

«Как говорят они»? Сидят, мерзавцы,
У очагов и чешут языки,
Как будто знают впрямь дела сената
И в гору кто идет, кто крепок, шаток,
Чью сторону держать, чьей свадьбы ждать;
Ты им по вкусу — значит, ты силен,
А прочие не станут, мол, в подметки

Их драных башмаков. Запасы, говорят,
Достаточны? Когда бы милосердьё
Отбросив, разрешил патрициат
Мне меч употребить, четвертовал
Я тысячами бы рабов вот этих
И гору высотой во взмет копыя
Нагромоздил из тел.

Менений

Да ты и так почти их успокоил.
Хоть безрассудны крайне, но они
И трусы крайние. А что другая
Мятежная толпа?

Марций

Уж разошлась.

На голод плакались и приводили
Присловья: голод, мол, и стены рушит;
Мол, кормят люди даже и собак;
Мол, не одним богатым уготован
Хлеб на земле, и грех его гноить.
И тут же притязанья. И сенат
Им уступил — от странной той уступки
Бледнеет сила власти, никнет сердце
Патрициата, — а толпа давай
Орать напропалую, шапки в воздух
Кидать, как будто на рога луны
Накинуть метя.

Менений

Что ж разрешено им?

Марций

Дано им пять трибунов избирать
В защитники их кухонных умишек,
И выбраны уж — Юний Брут, Сициний
Велут, еще там кто-то... Черт возьми!